

Миръ и тишина въ русской литературѣ! О мирномъ настроеніи свидѣтельствуется хотя бы нашъ сборникъ "*Складчина*". Въ немъ соединилась значительная доля литературы, и безъ сомнѣнія это соединеніе не совершилось бы такъ легко, если бы фанатизмъ, раздѣляющій наши партіи, господствовалъ въ прежней своей силѣ. Даже и теперь двѣ газеты сдѣлали хотя очень сдержанные, но неблагоклонные отзывы о сборникѣ; но читатели должны видѣть въ этомъ только слабые остатки погасающаго жара, только воспоминаніе о кипѣвшей когда-то враждѣ.

Намъ представляется, кромѣ того, что теперь на два на три мѣсяца значительная доля литературы, участвующая въ сборникѣ, въ силу этого самаго участія должна оставаться въ мирныхъ отношеніяхъ, что какъ-будто на два на три мѣсяца заключено у насъ перемиріе. Нельзя же быть товарищами и сотрудами въ одномъ изданіи и въ тоже время преслѣдовать и избивать другъ друга.

И такъ на два на три мѣсяца мы обезпечены отъ ярой полемики. Но вкусъ къ полемикѣ вообще уже давно ослабѣваетъ и въ настоящую минуту почти погасъ. Бывало въ каждой книжкѣ журнала совершалось избіеніе какого-нибудь литературнаго старца или литературнаго младенца и безъ такого избіенія книжка не считалась занимательною. Бывало въ каждой критической статьѣ не добромъ поминались всѣ враги того журнала, въ которомъ писалась статья, и даже всѣ равнодушные къ нему, такъ какъ правиломъ было: *кто не съ нами, тотъ противъ насъ*. Нынче не то. Нынче даже фельетонисты отреклись отъ веселой манеры пересыпать свои статьи всякими именами, перестали заниматься тѣмъ, что имѣло техническое названіе *журнальнаго лая*, и приняли видъ болѣе степенный и глубокомысленный.

Въ послѣднее время старые полемическіе приемы (мы не хотимъ повторить неприличнаго слова *лай*) были въ ходу только кажется относительно одного журнала, именно *Гражданина*. На *Гражданинѣ* сыпалась брань, напоминавшая своею рѣзкостью и обиліемъ самыя оживленныя времена нашей литературы. Фельетонисты, уже привыкшіе держать себя съ приличіемъ и серьезностію относительно другихъ изданій, какъ только заходила рѣчь о *Гражданинѣ*, впадали въ тонъ *Петербургской Газеты*, *Дѣла* и другихъ подобныхъ изданій, великодушно хранящихъ преданія своей лучшей поры и потому продолжающихъ ругаться такъ же, какъ ругались литераторы въ 1864 году -- вѣчной памяти. Очевидно *Гражданинъ* былъ только предметомъ дававшимъ поводъ для изліянія послѣднихъ остатковъ той полемической ярости, которая такъ долго господствовала и высшее развитіе которой нужно полагать въ 1864 году. Но вотъ мы видимъ не безъ изумленія, что и *Гражданинъ* наконецъ перестаетъ возбуждать полемическую жилку. Послѣдніе мѣсяцы прошлаго года прошли для него очень спокойно, если сравнить ихъ съ первыми. Миръ, рѣшительный миръ!

Но не только миръ, а и всяческая тишина. Направленіе различныхъ журналовъ осталось различное и никакихъ переменъ, или измѣненъ, въ этомъ отношеніи мы указать не можемъ. Но каждый журналъ, какъ говорится, очень *слабо проводитъ* свое направленіе. Мы не помнимъ, чтобы въ прошломъ году гдѣ-нибудь явились статьи, достойныя въ этомъ отношеніи вниманія, или даже хотъ только возбудившія вниманіе. Исключеніе составляютъ можетъ быть двѣ статьи *Н. Константинова* объ *Авонѣ*, явившіяся въ NN 2 и 4 *Русскаго Вѣстника* и содержавшія нѣсколько свѣжихъ и живыхъ мыслей. Но статьи эти вовсе не подходятъ къ направленію того журнала, въ которомъ печатались, да и писаны отчасти слишкомъ легко, а отчасти слишкомъ хорошо, чтобы броситься въ глаза. Обыкновенное же содержаніе журналовъ составляли статьи, въ которыхъ не высказывалась мысль сосредоточенная и опредѣленная, а разсматривался предметъ болѣе или менѣе отдаленный отъ общихъ вопросовъ, и только кое-гдѣ проглядывали начала исповѣдуемая авторомъ.

Такому спокойному состоянію журналистики вполне соотвѣтствуетъ (мы не говоримъ, что оно есть источникъ и первая причина) и то обстоятельство, что уже давно не слышно о предостереженіяхъ, по крайней мѣрѣ о такихъ, которыя бы интересовали литературу и публику. Правительство очевидно находитъ, что литература держитъ себя тихо, что она не можетъ возбуждать опасеній относительно спокойствія общественной мысли. Положеніе установилось, отношенія опредѣлились, и если мы будемъ осторожны, то мы можемъ долго двигаться по наѣзженной колѣѣ, не подвергаясь большому потрясенію.

На тишину въ литературѣ указываетъ еще одинъ очень явственный признакъ. Съ приближеніемъ